

Часть первая

Буря, которая унесла меня
из моего прошлого, стихла.

ФРАНЦ КАФКА
“Отчет для академии”

И так, середина моей истории. Она приходится на зиму 1996 года. К тому времени наша семья уже давно свелась к тому составу, который предсказало старое домашнее видео: я, мама и папа, незримо присутствующий по другую сторону камеры. В 1996-м минуло десять лет с тех пор, как я последний раз видела брата, и семнадцать — с тех пор, как исчезла сестра. Вся средняя часть моей истории повествует об их отсутствии, хотя вы могли бы этого и не знать, не скажи я сама. В 1996-м проходили целые дни, когда я не думала ни об одном, ни о другой.

1996 год. Високосный. Год Огненной Крысы. Клинтона только что переизбрали президентом; все это кончится плачевно. Кабул перешел под власть талибов. Сняли осаду с Сараево. Чарльз и Диана недавно развелись.

По небу металась комета Хейла — Боппа. В ноябре появились первые заявления о том, что за кометой следует объект, напоминающий Сатурн. Суперзвезды года — клонированная овечка Долли и шахматная компьютерная программа “Дип Блю”. Обнаружено свидетельство жизни на Марсе. Возможно, объект в форме Сатурна — космический корабль инопланетян. В мае 1997 года 39 человек по-

кончат с собой, уверенные, что таким способом попадут на его борт.

Какой заурядной я смотрюсь на этом фоне. В 1996 году мне было двадцать два, я мотала пятый год в Калифорнийском университете в Дэвисе, застряв не то на третьем, не то на четвертом курсе, но испытывала такое капитальное отсутствие интереса к тонкостям программ, нормативам и дипломам, что не рассчитывала окончить учебу в обозримом будущем. Мое обучение, любил говорить отец, отличается скорее широтой, чем глубиной. Повторял он это часто.

Я же не видела причин торопиться. Конкретных целей у меня не было, разве что сделаться либо предметом всеобщего восхищения, либо тайным авторитетом — я никак не могла выбрать. Да только какая разница, все равно ни одна из основных дисциплин не давала надежды стать тем или другим.

Родители по-прежнему оплачивали мои расходы и уже раздражались. Мама в те дни раздражалась часто. Стимулирующие дозы справедливого раздражения были ей в новинку — они ее молодили. Мама как раз объявила, что работает переводчиком и связным между папой и мной (мы с ним едва общались). Не помню, чтобы я возражала. Отец сам был преподаватель вуза и педант до мозга костей. Каждый разговор с ним обязательно содержал в себе урок, как вишня — косточку. Метод Сократа до сих пор вызывает у меня желание кого-нибудь укусить.

Осень в тот год пришла внезапно, будто распахнула дверь. Однажды утром я катила на велосипеде в университет, и в вышине пролетела большая стая казарок. Я не могла их видеть и вообще мало что видела вокруг, но услышала над головой оживленное гоготанье. С полей напал туман, и я крутила педали, окутанная облаками. Густой низкий туман не похож на прочие туманы: он не рваный и не дрейфует, а плотный и висит неподвижно. Кто-нибудь другой не рискнул бы гнать в неизвестность, но у меня была, по крайней мере в детстве, особая страсть дурить и нарываться на неприятности, и потому я получила от езды полное удовольствие.

Меня омывал влажный воздух, и я почувствовала себя тоже чуть-чуть перелетной, чуть-чуть дикой. Может, пофлиртую немножко в библиотеке, если рядом окажется кто-нибудь пригодный для флирта, или помечтаю на занятии. В то время я часто чувствовала себя дикой; мне нравилось это чувство, но оно ни к чему не вело.

В обеденный перерыв я взяла себе какой-то еды в столовой; пусть это будет жареный сыр. На стул рядом с собой я, как обычно, сложила свои книги: если мимо пройдет кто-нибудь интересный, их легко убрать, а неинтересных они заставят пройти мимо. В двадцать два года я обладала примитивнейшим представлением о том, кого можно считать интересным; согласно моему мерилу, я сама была малоинтересна. За соседним столом сидела пара. Голос девушки звучал все громче и громче, так что я не могла не прислушаться. “Ах, тебе

места мало?” На ней была короткая голубая футболка, на шее стеклянный кулон в виде скалярии. Длинные темные волосы падали на спину растрепанным жгутом. Девушка встала и единым движением руки смахнула со стола все. У нее были очень красивые бицепсы; помню, мне захотелось иметь такие же руки.

Тарелки попадали на пол и разбились вдребезги; кетчуп и кола пролились и смешались среди осколков. Наверное, на заднем плане звучала музыка, она сейчас всегда играет фоном, вся наша жизнь сопровождается саундтреком (и чаще всего он настолько ироничен, что вряд ли случаен; это так, к слову), но точно я не помню. Возможно, было тихо и мило, и только жир шипел на решетке.

— Годится? — спросила девушка. — И не говори, чтоб я успокоилась. Я освободила тебе место.

Она толкнула стол, закрутила и опрокинула.

— Лучше? — громко спросила она. — Кто-нибудь, выйдите на улицу, чтоб моему парню было больше места. Ему нужно до хера много места.

Она схватила стул и брякнула его на груды перемазанных осколков. Снова треск, и внезапная волна кофейного аромата.

Все вокруг замерли, не донеся вилку до рта, не подняв ложку из супа — такими людей нашли под лавой Везувия.

— Перестань, малыш, — сказал ее бойфренд один раз, но она не перестала, и он не утруждался повторять. Она перешла к следующему столу, на котором стоял только поднос с грязными тарелками. Мето-

дично перебила все, что могла разбить, и расшвыряла все, что могла швырнуть. Солонка завертелась по полу волчком и ударилась о мою ногу.

Парень поднялся с места и, слегка запинаясь, попытался ее утихомирить. Она запустила в него ложкой, которая звучно отскочила от его лба.

— Нельзя объединяться с уродами.

Ничего мирного в ее голосе не было.

Он отпрянул и вытаращился.

— Со мной все в порядке, — заверил он публику нетвердым голосом; и затем, удивленно: — Твою ж мать! Это нападение!

— Вот этого дерьма я терпеть не буду, — сообщил он.

Здоровый парень с худым лицом, в свободных джинсах и длинном пальто. Нос как нож.

— Вперед, все тут развороты, сучка бешеная. Только ключ мне отдай сначала.

Она раскрутила очередной стул, тот просвистел метрах в полутора от моей головы — я приуменьшаю: скорее всего, гораздо ближе, — рухнул на мой стол и опрокинул его. Я схватила стакан и тарелку. Книжки громко шлепнулись на пол.

— Подходи, бери, не стесняйся, — сказала она.

Мне стало смешно: как повариха на раздаче, только тарелки битые. У меня вырвался сдавленный смешок, странный крик, и все обернулись в мою сторону. Сквозь стеклянные стены было видно, что народ во дворе заметил суматоху и теперь глазеет во всю. В дверях застыли трое людей, зашедших пообедать.

— Возьму, не сомневайся.

Парень сделал несколько шагов по направлению к девушке. Та сгребла с пола несколько кубиков сахара, заляпанных кетчупом, и швырнула в него.

— С меня хватит, — сказал он. — Все кончено. Я вынесу твоё барахло на лестницу и сменю замки.

Он развернулся к ней спиной и тут же получил стаканом в ухо. Споткнулся, поднес к уху руку, проверил, не осталось ли крови на пальцах. Произнес, не оглядываясь:

— Ты мне за газ должна. Пришлешь по почте.

И ушел.

Дверь за ним закрылась. На мгновение повисла тишина. Потом девушка повернулась к нам.

— Что уставились, дебилы?

Она подхватила упавший стул — не знаю, то ли швырнуть, то ли поставить на место. Думаю, она и сама не знала.

Явился полицейский кампуса. Он осторожно приблизился ко мне, держа руку на кобуре. Ко мне! Которая стояла над опрокинутыми столом и стулом, по-прежнему держа в руках уцелевший стакан молока и уцелевшую тарелку с недоеденным бутербродом.

— Поставь-ка их, солнышко, — сказал полицейский, — и присядь на минутку.

Поставить куда? И куда сесть? Единственным вертикально стоящим объектом на метры вокруг была я сама.

— Давай поговорим. Рассказывай, что случилось. Пока у тебя нет никаких проблем.

— Да не она, — сказала ему женщина за прилавком.

Крупная, немолодая — сорок или больше, над верхней губой родинка, веки насандалены так, что краска лезет в глаза. Ведете тут себя как хозяева, отгрызнулась она однажды, в другой ситуации: я вернула недожаренный бургер. Но вы приходите и уходите. И даже не задумываетесь, что остаюсь-то я.

— Вон та, высокая, — продолжала она, указывая на виновницу.

Но полицейский не обратил внимания. Он сосредоточился на мне, чтобы не пропустить ни одного моего движения.

— Успокаиваемся, — снова произнес он мягко и дружелюбно. — Пока у тебя нет никаких проблем.

Он шагнул вперед, как раз мимо длинноволосой девушки со стулом. Я поймала ее взгляд у него из-за плеча.

— Когда полицейский нужен, ничем не дождешься, — сказала она мне и улыбнулась.

У нее была приятная улыбка. Большие белые зубы.

— Не будет мира нечестивым!

Она вскинула над головой стул.

— Не будет вам супа.

Она швырнула стул в противоположную от меня и полицейского сторону, к двери. Стул грохнулся спинкой вниз.

Полицейский обернулся посмотреть, в чем дело, и в этот момент я уронила тарелку и вилку. Честное слово, не нарочно. Пальцы левой руки разжались сами собой. Полицейский снова повернулся ко мне.

У меня в руках еще был недопитый стакан, и я приподняла его, как бы тостуя.

— Не надо, — уже гораздо менее дружелюбно проговорил полицейский. — Я с тобой не в игрушки играю. Не испытывай мое терпение.

И я бросила стакан на пол. Он разбился, молоко выплеснулось мне на ботинок и забрызгало носок. Я просто не выдержала и швырнула стакан.